

Профессиональные юмористы вызывают у меня священный трепет: постоянное исторжение смешного, необходимость всегда соответствовать ожиданиям публики требуют, как мне кажется, нечеловеческого напряжения. Смешное невзначай, по ходу жизни — это одно. Смешное как профессия, как взятые на себя обязательства — совсем другое. Не потому ли так грустны и даже скорбны в жизни клоуны и фарсеры, невозмутимо серьезные остряки и записные рассказчики анекдотов (у последних это входит в профессию)?! Не говоря уже о желчных и мрачных сатириках. Все они для меня — носители некой тайны, психологической загадки, которую хочется разгадать.

«В поисках жанра» — хорошее название для передачи, посвященной Григорию Горину, писателю-сатирику, драматургу-парадоксалисту, эстрадному скетчисту: он и сам искал и нашел предпочтительные для себя жанры, и казалось, что авторы передачи вслед за ним будут пытаться найти некий небанальный жанр, чтобы помочь нам постичь феномен жизни и творчества комедиографа.

Увы, жанр передачи (автор и ведущая Татьяна Паухова) оказался самым что ни на есть тривиальным. Я бы сказала, главным жанром нашей сегодняшней жизни — жанром презентации, то есть рекламным по сути своей, не требующим анализа, но зато предусматривающим моменты сенсации и звездный уровень участников. Со «звездами» в передаче было безупречно: их имена и портретики в титрах обеспечивали публикити, как золотой запас. Инна Чурикова, Олег Янковский, Марк Захаров, Евгений Леонов, Валентин Гафт, Эльдар Рязанов, Александр Абдулов, Александр Ширвиндт, Геннадий Хазанов, Михаил Державин, Аркадий Арканов, Булат Окуджава — все они, связанные нитями дружбы и творчества с Григорием Гориним, явились в передачу засвидетельствовать ему свое почтение. Звездный уровень горинского окружения продемонстрировал и фрагмент вечера, посвященного 50-

Найден ли жанр?

летию писателя в Доме архитекторов в 1990 году, где к названным персонажам присоединились министр Губенко, кинорежиссер Говорухин, магнат Боровой...

Были ли сенсации? Да, были и они. Так, Александр Абдулов назвал Горина «нашим Гоголем», Валентин Гафт сравнил «Гришу» с Чеховым, а Эльдар Рязанов, как режиссер и, следовательно, человек более реальный и трезвый, заметил, что Горин занял место Евгения Шварца. Сочетание имен Гоголя, Чехова и Шварца для характеристики одного лица обозначили, пожалуй, высшую точку парадоксальности сюжета и его объекта. Но и единственную, поскольку другие парадоксы Горина никого в передаче больше не интересовали. Не стал предметом для разговора даже главный парадокс популярности писателя: взлет его успеха связан (хотя сам он причисляет себя к писателям-выдумывателям) не с оригинальными сюжетами, а с сюжетами «из вторых рук», их трактовкой, их остранным восприятием. И тут можно было бы попытаться понять, в чем же своеобразие горинского подхода к известному сюжету горинского взгляда, который на рисунке-заставке сквозит прорези в бумажных глазах то ли Свифта, то ли Мюнхгаузена обнаруживает такую жгучую печаль и такую пронизательность.

О Горине в передаче было сказано вроде бы много и вместе тем — ничего существенного. Все больше байки в жанре «Вокруг смеха», забавные случаи, анекдоты, все больше словословия и тосты и все больше про себя, чем про Горина, в лучшем случае — про свои с ним взаимоотношения. И никто так и не дал формулы своей любви к герою передачи (к слову сказать, я

из всего написанного Гориним больше всего люблю именно «Формулу любви»).

В пьесе Галина «Тамада» содержится очень верные наблюдения относительно того, что говорят люди о близких своих в радостные или горестные моменты, на тризнах и пирах: «Работал... Был хороший, добрый. Все так говорят...» Поэтому-то и стали приглашать в одних случаях профессионального тамаду, в других — профессиональную плакальщицу. Но обязательно профессиональных и, значит, четко придерживающихся заданного жанра и не путающих тост с надгробным словом.

По странной прихоти судьбы и координаторов программ ТВ почти одновременно с передачей о Горине (по Российскому каналу) «Москва» показывала передачу памяти Андрея Миронова, сделанную точно так же, по такой же схеме и даже с теми же людьми (Горин, Арканов, Ширвиндт, Державин...). Отрывки-интервью, открытки интервью. Интервью — порой несурзные, разрушающие жанр передачи. Так на вопрос ведущей: «Что больше всего вас в нем покорило?» — поклонник Миронова, проходящий на улице, отвечает: «У него был громкий звук... он был — сам темперамент». Текст ведущей соответствует наблюдениям героини «Тамады» — банальность, стертый, чтобы не сказать пошлый. И многим из говорящих нечего сказать, а говорят, говорят. И даже одни и те же байки в обеих передачах, разве что с изменением названий городов, где дело было. Памяти Миронова — точно так же, как во здравие Горина, без забот о жанре. Профессионалы, где вы? Ах!

И. МЯГКОВА.